

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 6 (60), 2025

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2025

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 6 (60), 2025

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Pankratova Elena Evgenievna

EDITORIAL BOARD:

Dmitrieva Elizaveta Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Ansimova Olga Konstantinovna,
Candidate of Philological Sciences,
Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology,
Madrakhimov Tulibay Abdukarimovich,
Candidate of Philological Sciences,
Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich,
Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD),
Popov Dmitriy Vladimirovich,
Doctor of Philological Sciences,
Sheremetyeva Anna Gennadevna,
Doctor of Philological Sciences,
Bobokalonov Ramazon Radzhabovich,
Doctor of Philological Sciences
Saifullaeva Rano Raupovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor
Yakubov Zhamaliddin Abduvalievich,
Doctor of Philology
Ziyamukhamedov Zhasur Tashpulatovich,
Doctor of Philological Sciences
Kilicheva Feruza Beshimovna,
Candidate of Philological Sciences

EDITORIAL STAFF:

Novogradec Marina Jajic, PhD
Loseva-Bakhtiyarova Tanem Valerievna,
Candidate of Philological Sciences
Saidov Yakub Siddikovich,
PhD in Philology
Artamonova Irina Valerievna,
Candidate of Philological Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@inbox.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

© Publishing House «Scientific survey», 2025

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 6 (60), 2025

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна
Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриева Елизавета Игоревна,
кандидат филологических наук,
Анимова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук,
Атаманова Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович,
кандидат филологических наук,
Рахмонов Азизхон Боситхонович,
доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Попов Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
Шереметьева Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
Бобокалонов Рамазон Раджабович,
доктор филологических наук
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич,
доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Ташпулатович,
доктор филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна,
кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Новоградец Марина Яйич,
доктор филологических наук
Лосева-Бахтиярова Танем
Валерьевна, кандидат
филологических наук
Саидов Якуб Сиддикевич,
доктор филологических наук
Артамонова Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312
E-mail: sciphilology@inbox.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

===== CONTENTS =====

Journalism

Lelis E.I.

BRAND LANGUAGE: LINGUOPRAGMATIC
STRATEGIES OF IMAGE BUILDING IN MEDIA DISCOURSE.....6

Literary Studies

Janashia L.

FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN THE WORK OF A. GRIN.....9

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

Filatova A.V.

THE SUBJECT OF HUMAN ACTIVITY FRAME IN POPULAR
BIOLOGY DISCOURSE (BASED ON THE RUSSIAN LANGUAGE).....13

Linguistic Theory

Zaitsev S.G.

FROM MICROGEST TO VOCAL:
SPEECH CODE FORMATION MECHANISM.....16

Zaitsev S.G.

FROM MICROGEST TO VOCAL:
SPEECH CODE FORMATION MECHANISM (English version).....23

===== СОДЕРЖАНИЕ =====

Журналистика

Лелис Е.И.

ЯЗЫК БРЕНДА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ ИМИДЖА В МЕДИАДИСКУРСЕ.....6

Литературоведение

Джанашия Л.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГРИНА.....9

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Филатова А.В.

ФРЕЙМ СУБЪЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ БИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА).....13

Теория языка

Зайцев С.Г.

ОТ МИКРОЖЕСТА К ВОКАЛУ:
МЕХАНИЗМ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОДА.....16

Зайцев С.Г.

ОТ МИКРОЖЕСТА К ВОКАЛУ:
МЕХАНИЗМ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОДА (английская версия).....23

УДК 80

**ЯЗЫК БРЕНДА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
ПОСТРОЕНИЯ ИМИДЖА В МЕДИАДИСКУРСЕ***

Е.И. Лелис, доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций
СЗИУ РАНХиГС (г. Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** В статье анализируются лингвопрагматические стратегии формирования имиджа бренда в современном медиадискурсе. На примере кейсов российских компаний выявлены пять ключевых тенденций: гиперперсонализация, диалогичность, контекстуальная адаптивность, ценностный нарратив и кризисная реактивность. Доказано, что владение лингвопрагматическими инструментами является ключевым фактором создания устойчивого и аутентичного образа бренда в цифровой среде.*

***Ключевые слова:** лингвопрагматика, имидж бренда, медиадискурс, коммуникативные стратегии, цифровая среда, гиперперсонализация, диалогичность, контекстуальная адаптивность.*

Актуальность исследования обусловлена трансформацией медиасферы информационного общества, где язык становится ключевым стратегическим активом бренда. Проблема заключается в необходимости выявления эффективных лингвопрагматических инструментов для формирования устойчивого имиджа в условиях цифровой среды. Именно через призму лингвопрагматики видно, как абстрактные ценности бренда (качество, инновации, забота) транслируются в конкретных словах и речевых поступках, формируя реальный образ в сознании потребителя.

Медиадискурс бренда становится все более поликодовым и полижанровым, поэтому лингвопрагматическая компетентность современного бренда проявляется в способности кодировать сообщения в соответствии с прагматикой конкретной цифровой платформы и ожиданиями ее пользователей, что напрямую влияет на восприятие его аутентичности и релевантности.

Цель работы – анализ ключевых тенденций построения имиджа бренда через призму лингвопрагматики, изучающей использование языка для целенаправленного воздействия на аудиторию.

В качестве **предмета исследования** выступает имидж бренд-медиа, которые представляют собой «синергию различных каналов коммуникации, объединенных общими целями, задачами и ценностями бренда. Это не просто набор каналов, а целостная структура, направленная на укрепление бренда и взаимодействие с аудиторией» [2, с. 94].

Бренд-медиа для сегодняшнего рынка – это мощный инструмент привлечения аудитории. При характеристике технологии их работы неоднократно отмечается, что «в настоящее время бренд-медиа проживают этап активного развития, являясь одним из современных инструментов интернет-маркетологов. В бренд-медиа используются форматы и методы медиапроизводства журналистики и рекламы одновременно. В то же время, основным ядром бренд-медиа являются технологии связей с общественностью» [3, с. 115].

Объектом исследования выступает медиадискурс информационного общества, под которым, вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимаем речемыслительное «образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами, что, собственно, и делает его «привлекательным» и многообещающим для осмысления речетворческих стимулов в деятельности журналиста» [1, с. 49].

В результате исследования выявлено пять ключевых лингвопрагматических тенденций формирования имиджа бренда в современной медиасфере.

1. Гиперперсонализация и «очеловечивание» тона коммуникации, которые проявляются в отказе от корпоративного языка в пользу разговорного стиля, использовании сленга, эмодзи, личных местоимений и демонстрации эмоций.

2. Диалогичность и интерактивность как основа доверия, которые выражаются в переходе от монолога к диалогу через прямые обращения к аудитории, активное и оперативное реагирование на комментарии (ответы, лайки, шутки, развернутые пояснения), проведение Q&A-сессий и публичное признание ошибок и извинения с использованием соответствующих речевых актов ("Приносим извинения", "Мы признаем, что были неправы"). Успешное взаимодействие предполагает адекватную реакцию на реплики пользователей и помогает выстраивать с ними доверительные отношения.

3. Контекстуальная и платформенная адаптивность языка, которая заключается в гибком изменении стиля, лексики и форматов сообщений в зависимости от платформы (например, лаконичные посты в соцсетях или развернутые на сайте) и актуального контекста (тренды, новости). Наблюдается активное использование разговорной лексики, сленга (осторожно и уместно), междометий ("Ого!", "Ух ты!"), эмодзи, мемов: личных местоимений ("мы", "наш", но главное – "ты/вы"), обращений к аудитории по имени (где возможно), привычной стала демонстрация эмоций (радость, сочувствие, извинение) через язык.

4. Акцент на ценностях и смыслах через нарратив и сторителлинг. Ценности транслируются не декларативно, а через убедительные истории о реальных людях (сотрудниках, поставщиках), с использованием соответствующей лексики и нарративных структур.

5. Повышенная реактивность и кризисная лингвопрагматика: Критически важной становится способность бренда оперативно, ясно и искренне реагировать на негативные ситуации, используя четкие речевые акты извинения и объяснения.

На примере кейсов выяснено: S7 Airlines виртуозно использует гиперперсонализацию, юмор и адаптивность; «ВкусВилл» эффективно транслирует ценности заботы и качества через сторителлинг и диалог; «Яндекс» демонстрирует высокую платформенную адаптивность и реактивность, варьируя язык от формального до разговорного.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о роли и эффективности лингвопрагматических стратегий:

В перенасыщенной информацией среде именно то, как говорит бренд, становится ключевым фактором дифференциации и построения доверия. Лингвопрагматика перестала быть факультативной и превратилась в фундаментальный инструмент управления восприятием.

Отход от безликой корпоративности в сторону персонализированного, эмоционального общения позволяет эффективно преодолевать барьер недоверия между компанией и потребителем, формируя имидж «своего парня».

Умение бренда не только говорить, но и слушать, а также адекватно реагировать (как в примерах с «ВкусВилл» и «Яндекс») формирует долгосрочные отношения с аудиторией.

Успешные бренды демонстрируют высокую лингвопрагматическую компетентность, говоря с аудиторией на ее языке в ее цифровой среде, что повышает воспринимаемую аутентичность и релевантность бренда.

В современную эпоху репутационный ущерб определяется не только самим кризисом, но и лингвопрагматическими ошибками в реакции на него. Скорость, ясность, искренность и эмпатия, выраженные через конкретные речевые акты, являются критически важными для сохранения доверия.

Таким образом, анализ доказывает, что лингвопрагматический аспект представляет собой не набор разрозненных приемов, а целостную систему стратегического управления коммуникацией, направленную на формирование устойчивого, доверительного и эмоционально близкого имиджа бренда в сознании современной аудитории.

* Исследование выполнено в рамках НИР ЕГИСУ_НИОКТР

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность / Н. Ф. Алефиренко // Медиалингвистика. – 2016. – № 1(11). – С. 49-57.
2. Иванов, Д.А. Управление брендом: концепция бренд-медиа и бренд-экосистем / Д. А. Иванов // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 90-95.
3. Попова, О.И. Бренд-медиа как инструмент привлечения аудитории // Друкерровский вестник. – 2025. – № 4 (66). – С. 107-117.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. Mediadiskurs i ego kommunikativno-pragmaticheskaya sushhnost`. N. F. Alefirenko. Medialingvistika. 2016. No. 1(11). pp. 49-57.
2. Ivanov D.A. Upravlenie brendom: koncepciya brend-media i brend-e`kosistem. D. A. Ivanov. Social`no-e`konomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika. 2025. Vol. 21, no 2. pp. 90-95.
3. Popova O.I. Brend-media kak instrument privlecheniya auditorii. Drukerovskij vestnik. 2025. No. 4 (66). pp. 107-117.

Материал поступил в редакцию 31.10.25

BRAND LANGUAGE: LINGUOPRAGMATIC STRATEGIES OF IMAGE BUILDING IN MEDIA DISCOURSE

E.I. Lelis, Professor at the Department of Journalism and Media Communications
North-West Institute of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (St. Petersburg), Russia

Abstract. *The article analyzes the linguopragmatic strategies of brand image formation in modern media discourse. Based on the cases of Russian companies, five key trends have been identified: hyperpersonalization, dialogicality, contextual adaptability, value narrative, and crisis reactivity. It has been proven that the possession of linguopragmatic tools is a key factor in creating a sustainable and authentic brand image in the digital environment.*

Keywords: *linguistic and pragmatic mechanisms, brand image, media discourse, communicative strategies, digital environment, hyperpersonalization, dialogicality, and contextual adaptability.*

УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГРИНА

Л. Джанашия, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор
Сухумский государственный университет (Тбилиси), Грузия

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию особенностей психологизма в творчестве А. Грина. В условном пространстве и времени произведений писателя раскрывается внутренний мир героев: их интуиция, синестетичность восприятия и взаимодействие с искусством. Подчёркивается роль художественной условности, формирующей особую «Гринландию», где пересекаются два мира – омертвевших душ и «летающих», восприимчивых к красоте и нравственным идеалам.*

***Ключевые слова:** психологизм, художественная условность, гриноведение, синестезия, психологический метод, искусство, ассоциация, новелла, эстетика.*

На протяжении всего творческого пути Александр Грин в своих произведениях исследует «страну человеческой души», «диалектику души», процессы и парадоксы восприятия, извилистое течение сознания. Особенности психологизма в произведениях писателя определяются сложностью и неоднозначностью его творческих установок. Это одна из самых ярких сторон художественного наследия Грина, которая достаточно широко исследована в литературоведении советского периода, но необходимо указать на односторонность этих исследований. Всё еще остаётся неизученной очень важная составляющая психологизма произведений Грина, связанная с категорией художественной условности, которая представлена в его произведениях в основном в формах фантастики и мистики. Литературоведы, изучая душу гриновских героев, почти не затрагивают «душу искусства», которая присутствует на всех уровнях повествования в текстах писателя, формируя параллельный им мир. Некоторые литературоведы (А. Роскин, В. Ковский) отмечают эту односторонность в гриноведении и указывают на необходимость её преодоления через анализ различных форм художественной условности. А. Грин в своих произведениях моделирует особый мир обобщенно-условной социальности, условной культуры и почти что отсутствующей истории. Личность героя, живущего в этой модели, раскрывается прежде всего во взаимодействии с собственным «Я», с близкой ему душой другого персонажа, с природой и искусством. Здесь нужно выделить ряд противостоящих друг другу аспектов, связанных, в первую очередь, с проблемой отчуждения: овеществление (или, если употребить термин писателя Михаила Веллера – «плебеизация») человека и высших человеческих ценностей, тяга к злему, тёмному началу, одиночество, душевное омертвление и, напротив, человечность, любовь, цельность, нравственность особых «летающих душ».

Как центральным героям произведений Грина, так и почти всем второстепенным персонажам присуще одно общее качество: исключительная психологическая проницательность, тонкость переживаний, изощренная интуиция. В современном гриноведении отмечается, что круг описываемых писателем характеров устойчив и достаточно узок: «Варируется несколько мужских характеров: романтический юноша,

жаждущий опасностей, удачи и любви; профессиональный «искатель приключений», как правило, интеллеktуал и сильная, мужественная личность; опытный морской волк»; честный и достойный труженик-бедняк; скучающий, безнравственный богач, любитель острых ощущений» [2, с. 71-72]. И каждому из этих типов присуща общая черта: обострённая до крайности нервная восприимчивость.

В творчестве Грина, во всех его произведениях, перед читателем выстраивается галерея «психологов». В романе «Бегущая по волнам» внутренний слух Томаса Гарвея открывает ему «глухой шум Несбывшегося». При первом появлении Биче Саниэль, его изощёренная интуиция подсказывает ему «без всяких объяснений и доказательств..., что корабль Геза и девушка Биче Саниэль должны иметь связь.» [2, т., 5, с. 27]. Он уверен, что способен успокоить даже врага «одним внимательным взглядом» [2, т., 5, с. 25]. Но и его антагонист капитан Гез «угадывает дух человека» [2, т., 5, с. 44]. Психологическая проницательность в той же степени присуща и обоим героям произведения: Дези сама угадывает заветную тайну Гарвея и Биче, её «мудрая простота и тонкая внимательность» открывают ей за сказанным несказанное.

Герой-рассказчик романа «Золотая цепь», юный Санди, обладает этими качествами в такой мере, что в отдельные, драматические моменты способен проникаться движением чужого сознания: «Тогда со мной произошло странное, вне воли моей, нечто, не повторяющееся долго, лет десять, пока не стало натурально свойственным... Я стал представлять ощущения беседующих, не понимая, что держу это в себе, между тем я выбирал их как бы со стороны.» Окружающие Санди персонажи тоже обладают подобными качествами. Дюрок сразу определил «психический аромат» преступников, скрывавшихся за личиной добродетели. Да и сами преступники психологически опытные и утонченны.

Единство чувств, повышенная острота восприятия, богатство ассоциаций персонажей объясняют вполне закономерное обращение писателя к такому явлению психологии, как синестезия. При её проявлении, ощущения, свойственные определённому органу чувств, дополняются чувствами, характерными для другой чувствующей системы. Синестезия в мире произведений Грина – не аномалия, а неотъемлемое свойство восприятия явлений действительности и особенно искусства. Существуют синестезии низшие, смутные, глубинные и высшие, интеллектуальные, которые являются уже не «соощущениями», а скорее «сопредставлениями» [1, с. 18]. В творчестве Грина встречаются все их типы. Обездоленный и обманутый ребёнок из рассказа «Пропавшее солнце» в синэстетичном восприятии природы черпает силы противостоять своему несчастью. Гётевское «солнце, зазвучавшее в небе», которое было так дорого Достоевскому, нашло отзвук и у Грина. Его герой в рассказе «Белый огонь» с растущим волнением и восхищением смотрит на скульптурную композицию: «Между тем сомнениям всё менее оставалось места; уже, заслоненный ветвями, мелькнул впереди мраморный профиль, за ним другой, третий и, наконец, тонкий рисунок фигуры, стоящей где-то вверху, в полных, как весёлый крик, лучах солнца, поднявшегося к зениту» [2, т., 4, с. 279]

Пустота, невосприимчивость души никогда не бывает у Грина предметом психологического анализа. Но само это явление, печально присутствующее в действительности, автор часто отмечает в форме, которую Иваницкая назвала «пометками на полях» [3, с. 27]. Сложность и парадоксальность таких психологических установок проявляются прежде всего в отношении писателя к чувству любви. С одной стороны, в гриновском мире любовь – высшая и безоговорочная ценность, «тяжело одному сердцу отражать блеск этот» ... С другой стороны, тема любви занимает довольно незначительное место в гриновском мире, что особенно странно для писателя, отдавшего своим творчеством дань сильным неоромантическим тенденциям. Знакомство с психологическим методом писателя, однако, показывает закономерность такой «странности». Как из психологического анализа у Грина почти совсем выпадает отчужденный тип сознания, так из интереса к чувству любви почти совсем выпадает любовь несчастная, безответная и т.д. Исключением

здесь являются лишь рассказы: «Рене», «Ива» и «Серый автомобиль». В «Сером автомобиле», одной из вершин новеллистики Грина, с драматической силой исследуется любовь человека с ещё живой, но гибнущей в атмосфере пошлой обыденности, приземлённости, душой к счастливому и самодовольному, бездушному «продукту» общества: «Она жила скверно, то есть была полным, послушным рабом вещей, окружавших её... Её день был великолепным образцом пущенной в ход машины... И около этого пустого существования легла, свернувшись кольцом, подобно большой собаке, моя великая непринятая любовь» [2, т., 3, с. 197-198]

Категория, безусловно превосходящая значимость и силу чувства любви в гриновском мире, - это искусство. В психологическом срезе для гриновских героев характерна типологическая единая реакция на «жизнь» и на «искусство». Ребёнок «вынул гвозди из рук Христа, т.е. попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра» [2, т., 3, с. 19], и объяснил: «Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу. В ответе сына Лионель Грей... узнал самого себя и не наложил наказания» [2, т., 3, с. 27] Измученные жизнью матрос и прачка смотрят на акварель, изображающую их дом: «- За крыльцом помойное ведро; его не видно! - радостно заявила Бетси. – Да-а... а внутри-то?! Хоть бы ты подмела, - с горечью отозвался Клиссон» [2, т., 3, с. 457]. Даже изысканный эстет Аммон Кут из рассказа «Искатель приключений», глядя на поразившую его картину, не может не думать, что перед ним «живая женщина», «что она сейчас обернётся и через плечо взглянет на него» [2, т., 3, с. 263]. И обратная ситуация: герой рассказа «Крысолов», вспоминая привлекающую его внимание женщину – действительно живую, приписывает силу впечатления эстетической закономерности и сдержанности обстоятельств встречи. Произведение искусства часто оказывается в фокусе сюжета произведений Грина: статуя Бегущей по волнам, картина «Дорога никуда», картина в «Алых парусах», рисунки Доггера в рассказе «Искатель приключений», рисунок Берн-Джонса, загадочная скульптурная группа в рассказе «Белый огонь», музыка в «Фанданго» и т.д. Произведение искусства аккумулирует огромную энергию, его воздействие на человека всеобъемлюще, поэтому закономерно возникает проблема нравственности. Для Грина принципиально важными являются слова из рассказа «Чёрный алмаз» (1916): «Искусство-творчество никогда не принесёт зла. Оно не может казнить. Оно является идеальным выражением всякой свободы» [2, т., 3, с. 143].

Итак, психологизм А. Грина делит моделируемый им мир на две составляющие: Гринландия приземлённых психологических вибраций омертвевших душ предстаёт миром абсурда, страданий, обездоленности, одиночества и, с другой стороны, Гринландия – «блистающий мир», где обитают люди с «летающими душами», их мир по сути своей осмыслен и прекрасен, хотя остаётся сложным и драматичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галеев, Б.М. Содружество чувств и синтез искусств. – М., 1982. Сер. Эстетика №12.
2. Грин, А.С. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1965.
3. Иваницкая, И. Творчество А. Грина. – М., 2002.
4. Ковский, В. Возвращение к Александру Грину. – М., 2000.

REFERENCES

1. Galejev B.M. Sodruzhestvo chuvstv i sintez iskusstv. Moscow. 1982. Ser. Estetika No 12.
2. Grin A.S. Sobr. soch.: V 6 t. Moscow. 1965.
3. Ivanitskaya I. Tvorchestvo A. Grina. Moscow. 2002.
4. Kovskiy V. Vozvrashchenie k Aleksandru Grinu. Moscow. 2000.

Материал поступил в редакцию 18.11.25

FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN THE WORK OF A. GRIN

L. Janashia, Candidate of Philology, Associate Professor
Sukhumi State University (Tbilisi), Georgia

Abstract. *The article is devoted to the study of the features of psychologism in the work of A. Grin. In the conditional space and time of the writer's works, the inner world of the heroes is revealed: their intuition, synesthetic perception and interaction with art. The role of artistic convention is emphasized, forming a special "Grinland" where two worlds intersect – dead souls and "flying" susceptible to beauty and moral ideals.*

Keywords: *psychologism, artistic convention, green science, synesthesia, psychological method, art, association, short story, aesthetics.*

Comparative Historical, Typological
and Comparative Linguistics
Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 81.42

**ФРЕЙМ СУБЪЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ БИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

А.В. Филатова, старший преподаватель
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия (Саратов), Россия

Аннотация. Цель исследования состоит в определении роли концептуальной метафоры в формировании языковой картины мира. Объект исследования – метафорические номинации в русскоязычном научно-популярном биологическом дискурсе. В ходе анализа метафорических контекстов автором были выделены метафорические роли и функции членов экосообщества по отношению друг к другу. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые были выделены и классифицированы метафорические наименования, принадлежащие научно-популярному биологическому дискурсу; проанализирована специфика лингвистических контекстов, представляющих функционирование концептуальной метафоры в данном типе дискурса.

Ключевые слова: концептуальная метафора, биологический научно-популярный дискурс, фрейм.

Категоризация мира и его познание происходят при помощи языка. Понятие «картина мира» предполагает множественность представлений о действительности, что выражается в субъективной оценке человеком данной действительности. Н.Н. Занегина выделяет научную и языковую картины мира [2].

Когнитивное направление в России началось с трудов А.П. Чудинова [8], А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, исследовавших политическую метафору. Соединение политологии и метафорологии (термин предложенный А.П. Чудиновым) в единое научное направление *политическая метафорология* было обусловлено стремлением экспертов выявить культурно-специфические особенности речи политических деятелей, а также механизмы сознания, рождаемые этими метафорами.

К особенностям научно-популярного дискурса относятся по мнению И.Н. Яковлевой, В.С. Колесниковой [9]: наличие общеупотребительной лексики и облегченной терминологии отсутствие выводов в таких статьях, использование личных местоимений для выражения субъективности, присутствие элементов разговорной речи, использование фразовых глаголов и идиом в английском и русском языках, наличие книжных слов. Тексты научно-популярного стиля, по мнению Ю.Г. Кибаковой и А.А. Симон, обладают точностью и связностью и экспрессивностью по мнению О.В. Соболевой, Г. Ю. Гришечкиной, Н.А. Переверзевой, Н.А Овагимян [1, 3, 4-7].

Метафора выполняет несколько функций при передаче информации в текстах на биологическую тематику. Биология является областью науки, в которой изучаются процессы, происходящие в окружающей среде; взаимодействие живых существ друг с

другом, различные виды деятельности, в которых участвуют субъекты и объекты и по отношению к которым направлена их деятельность, поэтому метафора позволяет словесно объяснить эти процессы.

Взаимовыгодные отношения наблюдаются между муравьем и тлей. Тля выделяет падь, которая не является полезной для земли, но является лакомством для муравьев, поэтому они играют роль «сборщиков»:

*Другая профессия – **сборщики пади**. В каком-то смысле у муравьев есть свои домашние животные. Тли питаются соком растений и выделяют капли сладковатой жидкости, которую называют падью.* (Кот Шрёдингера, 04.05.22).

Значение ключевой лексемы *сборщик* следующее: «человек, который производит сбор чего-нибудь, собирает что-нибудь», оно создает основу для концептуального признака переноса – лицо, собирающее что-либо. Муравьи метафорически именуется сборщиками пади, которую выделяет тля. В свою очередь, они защищают тлю от хищников. Если в первичном значении сообщается только о сборе, то муравьи-сборщики пади сразу употребляют собранный нектар в пищу. В сочетании с ключевой лексемой *падь*, образуется термин *сборщик пади*. Терминами также являются *пастух*, *доильщик* в контексте мирмекологии [2: 11].

Рассмотрим следующий пример, в котором уточняется «должность» бактерии:

*Строго говоря, эта бактерия тоже генный **инженер**. Она умеет встраивать в геном растений гены из своей плазмиды, что вызывает образование опухолей, клетки которых **производят** питательные для этих бактерий вещества* (Кот Шрёдингера, 30.11.20).

Первичное значение ключевой лексемы *инженер* определяется как «человек с высшим техническим образованием, который строит и поддерживает двигатели и механизмы», оно создает основу для концептуального признака переноса – поддержание правильной работы генов. Однако бактерия-«инженер» не только поддерживает правильную работу, но и обеспечивает ее – этот «инженер» производит продукцию для себя, инженер в первичном значении обеспечивает работу приборов для создания благ всему обществу.

При помощи данной метафорической номинации подчеркивается «массовость» выработки питательных веществ.

Наведение порядка прослеживается в следующем контексте:

*«Муравей выбирает профессию или профессия – муравья?» Получается, что скорее профессия выбирает, – объясняет мне Жанна Резникова. – Почти как у людей. Есть набор качеств: агрессивность, интеллект, предприимчивость, скорость реакций, умение взаимодействовать с окружающими. В зависимости от них муравей получает свою профессию. Например, есть специальность – **охранник**.* (Кот Шрёдингера, 04.03.22).

Значение ключевой лексемы *охранник* таково: «сторож или стрелок охраны», оно создает основу для концептуального признака переноса – лицо, охраняющее что-либо. В этом примере сообщается об еще одной «профессии» муравьев – охранник. В первичном значении указывается функция охранника – охрана территории, однако из контекста становится понятно, что особи этой «профессии» обладают низким интеллектуальным уровнем, но физически очень развиты. В этом тексте перечисляются способности муравьев, пригодные в той или иной профессии. Так, охрана и поддержание порядка характеризуют профессию «охранника», где муравей обязан внимательно следить за порядком.

Сферами-цели являются: грибы, вирусы, бактерии и насекомые. Типичными прагматическими смыслами метафор группы «Субъект человеческой деятельности» являются функции или роли обитателей экосообщества по отношению друг к другу. Представляется важной для рассмотрения лексема *охранник*, обнаруженная в русской ЯКМ – вторичное значение расширяется, поскольку текст статьи сообщает об интеллектуальных качествах муравьев-охранников: агрессивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришечкина, Г.Ю. Научно–популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики / Г. Ю. Гришечкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4(25). – С. 130-136.
2. Занегина, Н.Н. Наивная и языковая картина мира и способы ее описания [Электронный ресурс] / Н.Н. Занегина. – Режим доступа: URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2914>.
3. Кобакова, Ю.Г. Лингвостилистические особенности научно–популярных текстов на английском языке [Электронный ресурс] / Ю. Г. Кобакова // Огарёв–Online. – 2021. – № 15 (168) – Режим доступа: <https://journal.mrsu.ru/arts/lingvostilisticheskie-osobennosti-nauchno-populyarnykh-tekstov-na-anglijskom-yazyke>.
4. Овагимян, Н.А. Некоторые особенности функционирования метафоры в научно–популярном дискурсе (на материале англоязычных научно–популярных фильмов) / Н. А. Овагимян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 7(836). – С. 144-155.
5. Переверзева, Н.А. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира / Н. А. Переверзева, Е. П. Потапова. – М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Российской государственной академии физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК), 2017. – С. 146-150.
6. Симон, А.А. Наука "с человеческим лицом" (Об антропоцентризме в научно–популярном медиатексте) / А. А. Симон // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012. – № 13(93). – С. 246-255.
7. Соболева, О.В. Обучающий потенциал научно–популярного текста: к вопросу об экспрессивности научной речи / О. В. Соболева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2016. – № 3(107). – С. 84-87.
8. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
9. Яковлева, И.Н., Колесникова, В.С. Сохранение экспрессивности при переводе метафоры в научно–популярном тексте / И. Н. Яковлева, В. С. Колесникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2020. – № 1. – С. 41-50.

Материал поступил в редакцию 20.10.25

THE SUBJECT OF HUMAN ACTIVITY FRAME IN POPULAR BIOLOGY DISCOURSE (BASED ON THE RUSSIAN LANGUAGE)

A.V. Filatova, Senior Lecturer
Saratov State Law Academy (Saratov), Russia

***Abstract.** The purpose of the article is to determine the role of conceptual metaphor in shaping the language picture of the world. The object of research is metaphorical nominations in the Russian-language popular science biology discourse. In the analysis of metaphorical contexts, the author pointed out the metaphorical roles and functions of the eco-community members towards each other. The academic novelty of the study is as follows: metaphorical names belonging to popular science biological discourse singled out and classified for the first time; the characteristics of linguistic contexts representing the functioning of a conceptual metaphor in this type of discourse are analyzed.*

***Keywords:** conceptual metaphor, popular science biology discourse, frame.*

УДК 80

ОТ МИКРОЖЕСТА К ВОКАЛУ: МЕХАНИЗМ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОДА

С.Г. Зайцев, независимый исследователь
(ж.д. ст. Шентала), Россия
E-mail: zsg13061964@gmail.com

***Аннотация.** Предлагается модель перехода от жестовой коммуникации к вокальной на основе понятия микрожеста. **Микрожест** – перенесенное в артикуляцию речевого аппарата движение, унаследовавшее семантическую структуру первичного жеста. В статье рассматривается механизм объединения двух семиотических систем и перенос смысловой структуры из жеста в речь. На примерах речевых элементов (далее по тексту рэ, Зайцев 2023) [э] (чув. а, лат. о), [k], [m], [l'] показан механизм переноса смысловой структуры «классического» жеста в микрожест, артикуляционно воспроизводимый современным вокальным трактом. Приводятся основания полагать, что письменные знаки некоторых алфавитов унаследовали зрительные образы, восходящие к древним жестовым моделям.*

***Ключевые слова:** праязык, жест, вокализация, микрожест, двойная семиотика, речевые элементы, чувашский язык.*

Введение.

Проблема происхождения языка остаётся одной из ключевых в антропологии, когнитивной науке и лингвистике. Несмотря на множество гипотез – от «теории вокального приоритета» MacNeilage до «жестовой теории» Corballis – вопрос о символической коммуникации остается открытым. Например, в комментариях к книге Corballis «Hand to Mouth» Томас Э. Диккинс (Nottingham Trent University, UK) отмечает слабое место жестово-ориентированных моделей: в них «нет никаких комментариев о том, как это могло произойти и какие характеристики это придало бы разговорной речи». Тем самым он акцентирует внимание на отсутствии объяснения механизма переноса смысловой структуры из жеста в речь. Современные исследования (Arbib, 2012) указывают на значимость как жестовой, так и вокальной составляющей, однако так же не объясняют, каким образом они могли объединиться в единую систему.

1. Переходный этап: звук как сигнал, телесная манипуляция как образ.

Это этап получения предком когнитивных возможностей – способности к построению ассоциативного ряда, рекурсии. Вокал используется параллельно с жестом. Возможно включение гласных широкой семантики (я есть Грут). Это период языка как многоканального кода – **телесного действия** (позы, жесты, мимика), передающего модели действия, структурные образы предметов или явлений и **звука** (сигнал, эмоции; гласные широкой семантики?). В этой схеме вокал и жест не дублируют, а дополняют друг друга: один выражает модально-эмоциональное состояние, другой – образно-предметное содержание (Зайцев, 2023). Вероятно, что такое сочетание стало основой праязыка как

ранней формы языковой организации смысла. Предположение, что вокальная линия восходит к древним эмоционально-сигнальным вокализациям, подобным тем, что наблюдаются у приматов и были вычленены из унаследованного гомининами репертуара, мало вероятно. Прямая преемственность вокала гоминин и вокала их предков невелика: звук не был унаследован, а заново осмыслен как проекция телесного образа. Ключевым условием успешной коммуникации было то, что собеседники обладали одинаковым анатомическим устройством. Именно эта общность обеспечивала взаимопонимание: демонстрируемый жест вызывал у другого участника аналогичную телесную ассоциацию или воспоминание о собственном опыте. Таким образом, анатомия служила не только источником образов, но и гарантом их интерсубъективной доступности. Организм и знание его анатомических особенностей стали первоисточником образов и понятий, которые трансформировались в знаковые единицы праязыка – универсальные, «понятийные» коды для описания внешнего мира через метафоры тела. Предок провел параллели между физиологическими процессами организма и аналогичными, на их взгляд, процессами в природе (Зайцев, 2023). Таким образом, тело человека служило своеобразной «сеткой координат», через которую предок масштабировал внешний мир и формировал понятийный аппарат.

2. Знаки двойной семиотики. Механизм переноса смысловой структуры из жеста в речь.

Можно предположить, что жест, как манипуляция телом, отвлекал от выполнения задач, имел малое расстояние доступности и невозможность коммуникации при плохой видимости. Вероятность того, что жест достаточно долгое время превалировал над вокалом (развитая артикуляция конечностей против неприспособленного речевого аппарата) предполагает его эволюцию в сторону общей рациональности, в конечном итоге приведшую к использованию в коммуникации человеком речи. Чем же на самом деле речь человека является при ближайшем рассмотрении?

Предполагается, что речь – это набор энергетически (и т.д.) менее затратных микрожестов, пришедших на смену первичному жестовому комплексу и перенесенных в артикуляцию речевого аппарата с сохранением семантической нагрузки первичного жеста (Зайцев, 2024). Акустическое сопровождение микрожеста вероятнее всего несло ту же сигнальную функцию, как и сопровождение макрожеста и первоначально не несло семантической нагрузки.

Предполагается, что не все рэ имеют *смешанный характер*, а были синтезированы предком после понимания «удобства» использования вокала. Двойственность семиотики можно проследить в примерах.

2.1. Гласный речевой элемент [э]: как понятие – «внутреннее, содержимое, содержащееся».

Примером совмещения визуальной и акустической семиотики может быть рэ [э] (в международном фонетическом алфавите IPF) и его чувашский аналог «ă», соответствующий латинскому «о». Артикуляцией гласного рэ [э] является микрожест при котором говорящий открывает рот, показывая его внутреннее пространство, сопровождая этот жест артикуляционно несложным звуком. Способ его демонстрации/произнесения позволяет предположить, что этот элемент изначально мог быть и визуальным, и акустическим. Нес одновременно различную семиотику и был *смешанным знаком* – сочетавшим и жест, и вокал, фонетическая окраска которого зависела от артикуляции микрожеста.

Примеры соответствия рэ [э] образу «внутреннее, содержимое, содержащееся» см. в приложении А.

2.2. Согласный рэ [к]: откашливание как прообраз жеста, демонстрирующего понятие «вкладыш».

Согласный рэ [к] артикуляционно воспроизводится, как короткий, порывистый выброс воздуха из трахеи – движение близкое к откашливанию, физиологически достоверное и показывающее наличие инородного тела («вкладыша») в горле. Для наблюдателя могло

быть знаком состояния – сигналом, вызывающим ассоциацию с узнаваемым ощущением. Сопровождающий звук в этом случае также не нес смысла – он был лишь следствием самой артикуляции микрожеста. Когда восприятие телесной формы исчезло, акустическая «тень» сохранилась в виде звука [k], ставшего вокальной проекцией образа «вкладыш».

Примеры соответствия рэ [k] образу «вкладыш» см. в приложении А.

2.3. Согласный рэ [m]: микрожест как образ пространства, физически ограниченного с двух сторон.

К классу смешанных знаков можно отнести и рэ [m]. Артикуляционной основой его произнесения/микрожеста является смыкание губ, сопровождаемое носовым резонансом. Сомкнутые губы по своей структуре подпадают под образ рэ [m]. Звук не несет семантической нагрузки. Его фонетическая окраска зависит от артикуляции микрожеста.

Примеры соответствия рэ [m] образу «пространства, физически ограниченного с двух сторон» см. в приложении А.

2.4. Речевой элемент [lʲ]: микрожест, артикуляция которого сопряжена с липкостью языка и демонстраций наличия слюны.

Слюна имеет тактильно близкое свойство с другими физиологическими жидкостями. Например, выделяемым при половом возбуждении секретом, слезой, кровью и др. физиологическими жидкостями, а также близкими по тактильному восприятию мелкодисперсными веществами такими как пыль, зола, мука. Возможным жестом в доречевом периоде могла быть демонстрация слюны, способом, подобным изображаемым древнеегипетским детерминативом А2 (сидящий человек с рукой у рта), используемым при написании древнеегипетских слов со значением «желать», «любить», «вожделеть». Таким образом жест демонстрации слюны мог получить семантическое расширение для демонстрации понятий, связанных с присутствием субстанций тактильно близким по свойствам слюне (маслянистость), а также предполагается переход данной семантики на мелкодисперсные вещества и сравнительно мелкие, являющиеся составными частями чего-либо целого, незначительные объекты и в дальнейшем, при речевом кодировании, объединенные рэ лʲ.

«Артикуляция лʲ: «губы растянута в улыбке. Передняя часть языка касается бугорков за верхними зубами. Средняя часть спинки языка приподнята. Задняя часть спинки языка опущена. Язык напряжён. Выдыхаемый воздух проходит по бокам языка. Голосовые связки работают, горло дрожит (есть голос)».

Примеры соответствия рэ [lʲ] образу «субстанция, имеющая свойства маслянистости (тактильно), мелкодисперсности» см. в приложении А.

3. Общий механизм формирования речи

Примеры [ə], [k], [m] и [lʲ] демонстрируют единый принцип: каждый звук – это след микрожеста, а не результат звукового изобретения. В описанном этапе человеческой коммуникации семантическую нагрузку несли телесные образы как носители смыслов, выражаемые микрожестами, а вокализация оставалась сигнальной составляющей. Специфика демонстрации (артикуляция) микрожеста диктовала свою фонетическую окраску сопровождаемого вокала. Но именно в этой акустической «тени» микрожеста заложен фонетический код будущего языка.

Заключение

Понимание речи как системы микрожестов позволяет объяснить, как телесная и звуковая модальности соединились в единой структуре праязыка. Звуки речи – это не произвольные сигналы, а артикуляционные следы древних жестов, в которых тело служило основным источником семантики. Таким образом речь может быть рассмотрена как метаморфоза телесного жеста, превратившегося в звук, но сохранившего в нем свою образность и когнитивную структуру.

Приложение А

Примеры этимологий слов, в которых использованы рэ смешанной семиотики.

Ку́ссул' - с чув. на рус. слеза. Где: ку́с - с чув. на рус. глаза; су́ - с чув. на рус. масло; л' - субстанция, со значением в данном случае «слезы». **Ку́ссул'** дословно: «глаз маслянистая л'». Зная семантику слова «слеза» [сл'иза] можно предположить семантику умягченной л' в данном слове.

Хёрл'ё - с чув. на рус. красный (о цвете). Где: хёр - с чув. на рус. девушка, женщина; л' - в данном случае «кровь»; ё - выделение. Т.е. понятие хёрл'ё родилось, как ассоциация на цвет менструальных выделений.

Кил' - с чув. на рус. желать, хотеть. Где: к - «вкладыш» в знач. половой орган при сексуальном возбуждении/пища; и - берущая; л' - маслянистая жидкость в значении секрет или слюна. Т.е. понятие кил' - это ассоциация предка на выделение секрета при половом возбуждении или выделение слюны при виде пищи.

Кил' - с чув. на рус. дом, жилище. Где: к - «вкладыш», в значении человек; и - взявшая; л' - мягкая на ощупь субстанция, в значении подстилка (трава, листья, вероятно шкуры животных). Первые жилище было подобно гнезду примата?

Вил' - с чув. на рус. смерть, умирать. Где: в - давление (живое тело наполнено давлением физиологических жидкостей, энергией, волей); и - забирающая; л' - жидкость в значении сукровица. Понятие вил' родилось с наблюдением за телом умершего, и истечением из него сукровицы.

Вёл'ёр - с чув. на рус. убивать. Где: вёл - выбрасывающей под давлением; л' - жидкость, в значении кровь; е - подобно; р - отверстие, в значении рана. Это соотносится с праиндоевропейской реконструкцией *wel - («быть убитым в бою»), что подчёркивает устойчивость образного ряда, а именно выбрасываемого чего-либо под давлением.

Ѕил' - с чув. на рус. ветер. Где: ѕи - с чув. на рус. верх, вершина; л' - осадки в виде тумана, дождя, снега. Понятие ѕил' могло родиться у предков чуваш в следствии наблюдения за движением воздушных потоков в условиях высокогорья и связанным с этим появлением различных осадков (к вопросу о месте проживания предков чуваш). Это наблюдение имеет реальную связь с анабатическими ветрами, поднимающимися в горы и оставляющими приносимую влагу на вершинах.

Гармсилъ - фён. Вид местных ветров. Где иранское **гарм** - теплый, горячий и тюрк. **силъ** из йел - ветер, подозрительно к чув. **ѕил'**. (этим. Корнилов Г. Е.). Если иран. **гармсилъ** - «горячий ветер» от одного корня с чув. **ѕил'**, то оно противоречит исходной семантике «влага осадки», сохранив лишь обозначение движения воздушных потоков, как природного явления. Слово демонстрирует механизмы помутнения исходного образа при исторических сдвигах и межъязыковых контактах.

Вёл'л'ё - с чув. на рус. улей. Где: вёл - вылетающие под давлением, ль - пчёлы, где повторение ль подчеркивает множественность(?). Но вероятнее всего сочетание рэ вёл' является определяющим для парного рэ л'ё. Русское слово «улей» имеет схожее семантическое и фонетическое оформление.

Vel'ryba из праславянского vel'rybъ - кит. Где: ve - выделение под давлением; а l' - распылённая китом жидкость, фонтан. Этимология слова связывается с праславянским velъ - большой. Появление понятие "большой" действительно может быть связано с образом, стоящим за вел' - «выделение/выброс под давлением», при наблюдении за извержением вулкана и выбросом пепла из жерла. Но на мой взгляд, образ кита фиксируется через его наиболее заметное действие - выбрасывание фонтанов воды, представленных как распылённая влага.

Кёл' - с чув. на рус. пепел, зола. Где к - «вкладыш» в значении угли; «ё» - выделяющееся из него, а «ль» - налёт, мелкодисперсная субстанция, маслянисто-пылевая на ощупь в значении пепел, зола. Таким образом, зола осознавалась как то, что «выделяется из вкладыша (уголька)» в виде мелкодисперсной субстанции.

Л'инь - ихтиологическое. «Пресноводная рыба с толстым слизистым телом». Где: л' - в знач. слизь; и - взявшая; нь - однотипные составляющие в знач. Чешуя.

Омуль - ихтиологическое. «Морской омуль гораздо жирнее, внутренности его буквально залиты жиром». «Согласно Герду, в памятниках письменности зафиксированы варианты омуль, омыль (распространён и в XVIII в.) и омиль». Где: о=ǎ - внутренняя; м - в значении полость брюшины; и - взявшая; ль - в значении жир.

Утām - с чув. на рус. шаг. Где: ут - с чув. на рус. «идти, шагать»; ǎ - внутри, содержащее; м - в значении пространства на земле между ногами шагающего.

Сухрām - с чув. на рус. верста (уст.). Где: сур - с чув. на рус. кричать, верещать; ǎ - внутри содержащее; м - вероятно максимальное расстояние от кричащего до улавливающего это кричание человека.

Мǎк - с чув. на рус. мох (лат. Bryophyta). Где: м - женская промежность; ǎ - содержащая; к - вкладыш (в значении гигиенического средства). Следующая этимология: м - пространство между двумя бревнами; ǎ - содержащее; к - вкладыш, в значении строительный материал.

Мǎкǎн - с чув. на рус. мак (ботаническое). Мǎ[г]ǎн'. Где: м - борозды; ǎ - внутри содержащиеся; г - находящаяся поверх, в значении плодная коробочка; ǎ - содержащая; н' - мелкодисп. субстанция в значении зерна. Рис. 1.

Ём - с чув. на рус. «сосать». Пример использования: кǎкǎр ём - сосать грудь. Где: ё - процесс, действие в значении «сосать»; м - две груди.

Еç - с чув. на рус. «пить». Пример использования: шыв ёç - пить воду. Где: ё - процесс, действие в значении «пить»; ç - «источник» в широком смысле слова, в значении вода.

Мель - нанос на дне реки, мелкое место. Предполагаемая этимология: м - два берега реки; е=ё - «выделение»; ль - мелкодисперсная субстанция (ил, глина, песок).

Мель - как в слове мельник. Предполагаемая этимология: м - две части жернова/два камня; е=ё - выделяющая; ль - мелкодисперсная субстанция, в значении мука.

Milium - тысяча (лат.). Предполагаемая этимология части слова mil': m - границы целого числа тысяча; и - содержащая; l' - единицы, как что-то мелкодисперсное. Um- ?

Рис. 1. Маковая коробочка

Рис. 2. Иероглиф G17 по Гардинеру

Рис. 3. Иероглиф V31 по Гардинеру

Т'ёк - перо птицы, волос (на туловище человека), ресницы. Где: т' - слой кожи, в значении дерма»; ё - выделяющая; к - вкладыш, в значении волос.

Человек подошел к реке - в данной грамматической конструкции скрыта древняя образная схема: «человек» подходя к реке приобретает понятие к - «вкладыш», по отношению к водной артерии. Человек является определяющим словом для «к», в предложении являющегося предлогом.

Приложение В.

Краткие этимологии рэ, используемых в работе.

э/ё - выделение, выведение (введение), выход (вход) какой-либо субстанции, касание. Или выполняет роль указателя на субъект действия (в слове находится как сразу за субъектом, так и может быть отделен рэ, выполняющим роль дополнения). Думаю, что конкретное значение определялось контекстом разговора. Жест непонятен.

е - со значением «как, подобно, или, либо», может стоять как перед синтаксически связанным словом, так и в постпозиции.

і/и - брать, взять. В конце слова (рэ), если это не глагол повелительного наклонения, подлежащее со значением «взявшее», «берущее».

ə/ӓ аналог лат. фонемы «o». Семантика – обозначать объем, находящийся внутри, содержимое. Скорее всего начертание букв аналогов латинской и т.д. «o» отражает фигуру, образованную округлыми губами, при демонстрации понятия. Жестом могло быть открывание рта с демонстрацией полости.

υ/β/w/v - давление, напор (жидкостей, газов); сила, позволяющая находится в вертикальном положении; упругость; задиристость; влияние доминирующей популяции и т.д. Жест, обозначающий понятие «в» предположительно ладонь с вытянутыми пальцами или усеченный его вариант – вытянутыми большим и указательным пальцами, как латинская буква V.

г/г - маркер приложения действия поверх чего-либо, нахождения поверх, верховенство.

к/к - «находящееся внутри – вкладыш», «находящееся рядом, вблизи, касающееся». Ребенок в утробе для матери, человек для дома, деньги для кошелька, сердце для грудной клетки, книги для библиотеки, птенец для яйца, кролик для норы, нора для грунта, душа для человека, князь для общества, человек для одежды, река для русла – все это к. Понятие к появляется также если что-то или кто-то находится вблизи чего-либо или приближается к чему-либо или кому либо, касается или погружено во что-то частично. На мой взгляд, наглядным примером является египетский иероглиф V31 по Гардинеру именуемый «корзина с ручкой» (рис. 2) и имеющий транслитерацию **к**. Чем бы ни было, рассматриваемое изделие, но в нем просматривается именно описанный образ рэ **к/к**. Где маленькая часть, так называемая «ручка», касаясь «корзины» получает описываемое понятие «вкладыш».

м/м - оболочка, покров, расстояние между двумя точками, образуется двумя объектами (сомкнутые губы, форма русла реки в поперечном разрезе, два бревна и т.д.). Вероятно симметричное, например, как тело человека. В египетской письменности обозначено иероглифом, изображающим сову. (иероглиф G17 по Гардинеру). Образ, стоящий за рэ **м**, отражается ломанной линией над глазами птицы. Рис. 3.

г/р - отверстие, вход, оболочка, окружение, полость – в широком понимании значения. Жестом, передающим данный рэ, на мой взгляд, являлась ладонь с собранными в кольцо пальцами. Египетский иероглиф, обозначающий фонему «г» (р), изображался в форме стилизованного рта (иероглиф D21 по Гардинеру).

т/т - нога, рука, костяк, основа, твердая порода (камень).

е/с - источник чего-либо. Изображался жестом тремя пальцами большим, указательным и средним.

л/л' - маслянистое (физиологические жидкости), мелкодисперсное. Образ, на мой взгляд сформирован на основе тактильных ощущений. Жестом мог быть показ слюны.

п'/п' - образом является оболочка, объем, чего-либо состоящие из множества мелких однотипных составляющих. Также применялся, когда надо было указать на множественность.

т'/т' - поверхность чего-либо имеющего относительно тонкий слой (насыщенный влагой?). Кожа животного/птицы, кожица плода, как в слове т'упё - с чув. на рус. небо (по представлению древних чуваш небо имеет несколько слоев).

Этимологии рэ, а также этимологии слов могут быть уточнены, добавлены новые характеристики, расширена образность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев, С. Шаблон как прием в речевом кодировании- наследник жеста. *Philology*. – 2024.
2. Зайцев, С. МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ИХ МОДУЛЕЙ) ЗРИТЕЛЬНЫМ И ОБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ. (Демонстрация проекта.) Этимология одинарного речевого элемента [л']. *Philology*. – 2024.
3. Зайцев, С. Некоторые стороны праязыковой теории глазами дилетанта. *Philology*. – 2023.
4. Электронный чувашский словарь: Электронлӑ с̆махсар.- Чебоксары. – URL: <https://samah.su/> (дата обращения: 02.11.2025). – текст электронный.
5. Arbib, M. *How the Brain Got Language: The Mirror System Hypothesis*. Oxford University Press. – 2012.
6. Corballis, M. *The Recursive Mind: The Origins of Human Language, Thought, and Civilization*. Princeton University Press. – 2010.
7. Dickens, T.E. (University of Nottingham Trent, United Kingdom). Commentary on M. Corballis's *From Hand to Mouth*, addressing issues of language origin and cognitive semiotics.

Материал поступил в редакцию 12.11.25

FROM MICROGEST TO VOCAL: SPEECH CODE FORMATION MECHANISM

S.G. Zaitsev, Independent Researcher
(Shentala railway station), Russian Federation
E-mail: zsg13061964@gmail.com

Abstract. *A model is proposed for the transition from gesture to vocal communication based on the concept of microgest. Microgest is a movement transferred to the articulation of the speech apparatus that inherited the semantic structure of the primary gesture. The article examines the mechanism of combining two semiotic systems and the transfer of semantic structure from gesture to speech. Using examples of speech elements (hereinafter se, Zaitsev 2023) [ə] (Chuv. ä, lat. o), [k], [m], [l'] shows the mechanism for transferring the semantic structure of "classical" gesture in microgest, articulatively reproduced by the modern vocal tract. There are reasons to believe that the written signs of some alphabets inherited visual images dating back to ancient sign models.*

Keywords: *proto-language, gesture, vocalization, microgest, double semiotics, speech elements, Chuvash language.*

UDC 80

FROM MICROGEST TO VOCAL: SPEECH CODE FORMATION MECHANISM (English version)

S.G. Zaitsev, Independent Researcher
(Shentala railway station), Russian Federation
E-mail: zsg13061964@gmail.com

Abstract. *A model is proposed for the transition from gesture to vocal communication based on the concept of microgest. Microgest is a movement transferred to the articulation of the speech apparatus that inherited the semantic structure of the primary gesture. The article examines the mechanism of combining two semiotic systems and the transfer of semantic structure from gesture to speech. Using examples of speech elements (hereinafter se, Zaitsev 2023) [ə] (Chuv. ä, lat. o), [k], [m], [l'] shows the mechanism for transferring the semantic structure of "classical" gesture in microgest, articulatively reproduced by the modern vocal tract. There are reasons to believe that the written signs of some alphabets inherited visual images dating back to ancient sign models.*

Keywords: *proto-language, gesture, vocalization, microgest, double semiotics, speech elements, Chuvash language.*

Introduction.

The problem of the origin of language remains one of the key in anthropology, cognitive science and linguistics. Despite many hypotheses from MacNeilage's "vocal priority theory" to Corballis's "gesture theory" – the question of symbolic communication remains open. For example, in the commentary on the book of Corballis' "Hand to Mouth" (Nottingham Trent University, UK) Thomas E. Dickins notes the weak point of gesture-oriented models: they "have no comment on how this could happen and what characteristics it would give colloquial speech". Thus, he focuses on the absence of an explanation of the mechanism for transferring the semantic structure from gesture to speech. Modern studies (Arbib, 2012) indicate the importance of both the sign and vocal components, but also do not explain how they could be combined into a single system.

1. Transitional stage: sound as a signal, bodily manipulation as an image.

This is the stage of obtaining by the ancestor of cognitive capabilities – the ability to build an associative series, recursion. Vocals are used in parallel with the gesture. It is possible to include vowels of broad semantics (I am Groot). This is the period of language as a multichannel code – **bodily action** (poses, gestures, facial expressions), transmitting models of action, structural images of objects or phenomena and sound (signal, emotions; vowels of broad semantics?). In this scheme, vocals and gesture do not duplicate, but complement each other: one expresses a modal-emotional state, the other – figurative-subject content (Zaitsev, 2023). It is likely that such a combination became the basis of the proto-language as an early form of linguistic organization of meaning. The assumption that the vocal line dates back to ancient emotional-signaling vocalizations, similar to those observed in primates and were isolated from the repertoire inherited by hominins, is unlikely. The direct continuity of the vocals of the hominin and the vocals of their ancestors is small: the sound was not inherited, but re-comprehended as a projection of the bodily image. The key condition for successful communication was that the interlocutors had the same anatomical structure. It was this commonality that provided mutual understanding: the gesture demonstrated evoked a similar bodily association or recollection of one's own experience in another participant. Thus, anatomy served not only as a source of images, but also as a guarantor of their intersubjective accessibility. The body and knowledge of its anatomical features became the primary source of

images and concepts that were transformed into iconic units of the proto-language – universal, "conceptual" codes for describing the outside world through metaphors of the body. The ancestor drew parallels between the physiological processes of the body and similar, in their opinion, processes in nature (Zaitsev, 2023). Thus, the human body served as a kind of "grid of coordinates" through which the ancestor scaled the outside world and formed a conceptual apparatus.

2. Signs of double semiotics. Mechanism for transferring semantic structure from gesture to speech.

It can be assumed that a gesture, like a manipulation of the body, distracted from performing tasks, had a short distance of accessibility and the impossibility of communication with poor visibility. The likelihood that a gesture prevailed over vocals for quite a long time (developed articulation of limbs against an unsuitable speech apparatus) suggests its evolution towards general rationality, which ultimately led to the use of speech in human communication. What is actually a person's speech on closer inspection?

It is assumed that speech is a set of energetically (etc.) less costly microgests that replaced the primary gesture set and transferred to the articulation of the speech apparatus while maintaining the semantic load of the primary gesture (Zaitsev, 2024). The acoustic accompaniment of the microtest most likely carried a signal function as well as the accompaniment of the macrotest and initially did not carry a semantic load.

It is assumed that not all se are *mixed*, but were synthesized by the ancestor after understanding "usability" of vocals. The duality of semiotics can be traced in examples.

2.1. Vowel speech element [ə]: as a concept – "internal, content, contained".

An example of combining visual and acoustic semiotics can be se [ə] (in the international phonetic alphabet IPF) and its Chuvash analogue "ă", corresponding to the Latin "o". The articulation of the vowel se [ə] is a microgest in which the speaker opens his mouth, showing his inner space, accompanying this gesture with an articulatively simple sound. The way it is displayed/spoken suggests that the element may have originally been both visual and acoustic.

It carried at the same time different semiotics and was a *mixed sign* - combining both gesture and vocals, the phonetic color of which depended on the articulation of the microgest.

See Appendix A for examples of how se [ə] matches the image "internal, content, contained".

2.2. Consonant se [k]: coughing up as a prototype of a gesture demonstrating the concept of "insert".

The consonant se [k] is articulatively reproduced as a short, gusty release of air from the trachea – a movement close to coughing, physiologically reliable and showing the presence of a foreign body ("insert") in the throat. For the observer, it could be a sign of a condition – a signal that evokes an association with a recognizable sensation. The accompanying sound in this case also did not make sense – it was only a consequence of the very articulation of the microgest. When the perception of the bodily form disappeared, the acoustic "shadow" was preserved in the form of a sound [k], which became a vocal projection of the "insert" image.

For examples of correspondence of se [k] to the "insert" image, see Appendix A.

2.3. Consonant se [m]: microgest as an image of a space physically bounded on two sides.

Se [m] can also be attributed to the class of mixed signs. The articulatory basis of pronunciation/microtest is the closure of the lips, accompanied by nasal resonance. Closed lips in their structure fall under the image of se [m]. Sound does not carry a semantic load. Its phonetic coloration depends on the articulation of the microgest.

See Appendix A for examples of matching se [m] to the image of "space physically bounded on both sides".

2.4. Speech element [l']: microgest, the articulation of which is associated with the stickiness of the tongue and demonstrations of the presence of saliva.

Saliva has a tactilely close property to other physiological fluids. For example, secretions, tears, blood and other physiological fluids secreted during sexual excitation, as well as fine

substances similar in tactile perception, such as dust, ash, flour. A possible gesture in the pre-speech period could be the demonstration of saliva, in a way similar to that depicted by the ancient Egyptian determinative A2 (a person seated with a hand at the mouth), used when writing ancient Egyptian words with the meaning "desire", "love", "lust".

Thus, the gesture of demonstrating saliva could receive a semantic extension to demonstrate concepts related to the presence of substances tactilely close in properties to saliva (oiliness), and it is also assumed that this semantics will switch to finely dispersed substances and relatively small, which are components of something whole, insignificant objects and in the future, with speech coding, united se l'.

"Articulation l': "lips stretched in a smile. The front of the tongue touches the tubercles behind the upper teeth. The middle part of the back of the tongue is raised. The back of the tongue is lowered. The language is tense. Exhaled air passes along the sides of the tongue. The vocal cords work, the throat trembles (there is a voice)".

Examples of compliance with se [l'] image "substance having properties of oiliness (tactile), fineness" see Appendix A.

3. General speech generation mechanism

Examples [ə], [k], [m] and [l'] demonstrate a single principle: each sound is a trace of a microgest, and not the result of sound invention. In the described stage of human communication, the semantic load was carried by bodily images as carriers of meanings expressed by microgests, and vocalization remained a signal component. The specificity of the demonstration (articulation) of the microtest dictated its phonetic coloring of the accompanied vocals. But it was in this acoustic "shadow" of microgest that the phonetic code of the future language was laid.

Conclusion

Understanding speech as a system of microgests allows us to explain how bodily and sound modalities are combined in a single structure of the proto-language. Speech sounds are not arbitrary signals, but articulatory traces of ancient gestures, in which the body served as the main source of semantics. Thus, speech can be considered as a metamorphosis of a bodily gesture, which turned into a sound, but retained its imagery and cognitive structure in it.

Appendix A.

Examples of word etymologies that use mixed semiotics se.

Кущул' - from Chuv. to Russian - sl'eza (tear). Where: кущ - from Chuv. to Russian - eyes; цу - from Chuv. to Russian - oil; л' (l') - substance, with the meaning in this case "tears". **Кущул'** literally: "the eye is oily л' (l)". Knowing the semantics of the word "tear" [sl'iza], one can assume the semantics of the softened л' (l') in a given word.

Хёрл'ё - from Chuv. to Russian - red (about color). Where: хёр - from Chuv. to Russian - girl, woman; л' (l') - in this case "blood"; ё - selection. The concept хёрл'ё was born as an association for the color of menstrual secretions.

Кил' - from Chuv. to Russian - wish, want. Where: к (k) - "insert" in the value sexual organ in sexual arousal/food; и (i) - taker; л' (l') - oily liquid in the meaning of secret or saliva. The concept of кил' is the association of an ancestor for secretion during sexual arousal or saliva secretion at the sight of food.

Кил' - from Chuv. to Russian - house, dwelling. Where: к (k) - "insert" meaning a person; и (i) - taking; л' (l') - soft to the touch substance, meaning litter (grass, leaves, probably animal skins). Was the first dwelling like a primate's nest?

Вил' - from Chuv. to Russian - death, die. Where: в (v) - pressure (the living body is filled with the pressure of physiological fluids, energy, will); и (i) - extracting; л' (l') - liquid in the meaning of sucrose. The concept вил' was born with the observation of the body of the deceased, and the expiration of a bitch from it.

Вёл'ёр - from Chuv. to Russian - kill. Where **вё** (vě) - ejecting under pressure; л' (l') - fluid, meaning blood; е (e) - similar; р (r) is the opening, meaning wound. This correlates with the pre-

Indo-European reconstruction of *wel - ("to be killed in battle"), which emphasizes the stability of the figurative series, namely the thrown something under pressure.

Џил' - from Chuv. to Russian - wind. Where: **џи** (џi) - from Chuv. to Russian - top; **л'** (l') - precipitation in the form of fog, rain, snow. The concept **џил'** could be born from the ancestors of the Chuvash as a result of observing the movement of air flows in the highlands and the associated appearance of various precipitation (to the question of the place of residence of the ancestors of the Chuvash). This observation has a real connection with the anabatic winds rising into the mountains and leaving the brought moisture on the peaks.

Гармсилъ is a Föhn. A view of local winds. Where Iranian **гарм** (garm) is warm, hot and Turk **силъ** (sil) from **йел** (yel) - wind, suspicious of chuv. **џил'** (џil') (Kornilov G.E.). If Iran **гармсилъ** (garmsil) - "hot wind" from one root with Chuv. **џил'** (џil') then it contradicts the original semantics of "precipitation moisture" retaining only the designation of the movement of air flows as a natural phenomenon. The word demonstrates the mechanisms of clouding of the original image during historical shifts and interlanguage contacts.

Вѣл'л'ѣ - from Chuv. to the Russian - beehive. Where: **вѣ** (vě) - flying out under pressure, **лъ** (l') - bees, where repetition of **лъ** (l') emphasizes multiplicity (?). But most likely the combination of **се вѣл'** (věl') is decisive for the paired **се л'ѣ** (l'ě). The Russian word «улей» ("hive") has similar semantic and phonetic design.

Vel'ryba from the pre-Slavic **vel'rybъ** - whale. Where: **ve** - release under pressure; and **l'** is a fluid sprayed by a whale, fountain. The etymology of the word is associated with the Pre-Slavic **velъ** - large. The appearance of the concept of "large" can really be associated with the image behind **вел'** (vel') - "release under pressure" when observing the eruption of a volcano and the release of ash from a vent. But in my opinion, the image of the whale is fixed through its most noticeable action - throwing out fountains of water, presented as sprayed moisture.

Кѣл' - from Chuv. to Russian - ash. Where **к** (k) - "insert" in the meaning of coal; **ѣ** - standing out from it, and «лъ» "l" - plaque, finely dispersed substance, oily-dusty to the touch in the meaning of ash. Thus, ash was realized as something that "stands out from the liner (coal)" in the form of a finely dispersed substance.

Л'инь is ichthyological. "Freshwater fish with thick slimy bodies". Where: **л'** (l') - in value mucus; **и** (i) - taking; **нь** (n') - components of the same type in value Scales.

Омуль is ichthyological. "The sea omul is much fatter, its insides are literally flooded with fat". "According to Gerd, variants of omul, omyl (also common in the 18th century) and omil are recorded in written monuments". Where: **о=ă** - internal; **м** - meaning peritoneal cavity; **и** (i) - taking; **лъ** (l') - in the meaning of fat.

Утăм - from Chuv. to Russian - step. Where: **ут** (ut) - from Chuv. to Rus. "Go, walk"; **ă** - inside, containing; **м** (m) - in the meaning of the space on the ground between the legs of the walker.

Џухрăм - from Chuv. to Russian. **verst** (obs.). Where: **џухр** - from Chuv. to Russian - shout, scream; **ă** - internally containing; **м** (m) - probably the maximum distance from the person screaming to the person catching this shouting.

Мăк - from Chuv. to Russian - moss (lat. Bryophyta). Where: **м** (m) - female perineum; **ă** - containing; **к** (k) - insert (as a hygienic product). The following etymology: **м** (m) - space between two logs; **ă** - containing; **к** (k) - insert, in the meaning of building material.

Мăкăн - from Chuv. to Russian poppy (botanical). **Мă[г]ăн'** (Mă[g]ăn'). Where: **м** (m) - furrows; **ă** - inside contained; **г** (g) - located on top, in the meaning of a fruit box; **ă** - containing; **н'** (n') - fine substance in terms of grain. Figure 1.

Ěм - from Chuv. to Russian - "suck". Example of use: **кăкăр ěм** (kăkăr ěm) - suck breasts. Where: **ě** - process, action in the meaning of "suck"; **м** (m) - two breasts.

Еџ - with Chuv. to Russian - "drink". An example of use: **шыв ěџ** (shyv ěџ) - drink water. Where: **ě** - process, action in the meaning of "drink"; **џ** - "source" in the broad sense of the word, meaning water.

Мель - applied at the bottom of the river, a shallow place. Proposed etymology: **м** (m) - two banks of the river; **е=ě** - "allocation"; **ль** (l') - fine substance (silt, clay, sand).

Мель - as in the word miller. Suggested etymology: **м** (m) - two millstone parts/two stones; **е=ě** - highlighting; **ль** (l') - finely dispersed substance, in the meaning of flour.

Milium - thousand (lat.). The supposed etymology of the part of the word mil': **м** is the boundaries of an integer thousand; **и** (i) - comprising; **l'** - units, like something finely dispersed. Um- ?

Figure 1. Poppy box

Fig. 2. Gardiner G17 hieroglyph

Figure 3. Gardiner V31 hieroglyph

Т'ѣк - the feather of a bird, hair (on the body of a person), eyelashes. Where: **т'** (t') - layer of skin, meaning dermis"; **ѣ** - highlighting; **к** (k) - insert, in the meaning of hair.

A man come to the river - in this grammatical design an ancient figurative scheme is hidden: "man" come **to** the river acquires the concept **к** (to, Eng.) "insert" in relation to the water artery. A person is the defining word for «к» (to, Eng.) which is a pretext in a sentence.

Appendix B.

Brief etymologies of se used in the work.

ə/ě - isolation, excretion (injection), output (input) of any substance, touch. Or it acts as a pointer to the subject of the action (in the word it is both immediately after the subject and can be separated by se, which acts as an addition). I think that the specific meaning was determined by the context of the conversation. The gesture is incomprehensible.

е - with the meaning "as, like, or" can stand both in front of a syntactically related word and in postposition.

і/и - take. At the end of word (se), unless it is an imperative verb subject with the meaning "taker".

ə/ā analogue lat. phonemes "o". Semantics – denote the volume inside, the content. Most likely, the style of letters of analogues of Latin, etc. "o" reflects the figure formed by rounded lips, when demonstrating the concept. The gesture could be opening the mouth with a demonstration of the cavity.

υ/в/у/у - pressure, head (liquids, gases); force allowing to be in vertical position; elasticity; cockiness; influence of the dominant population, etc. A gesture denoting the concept of "v" presumably a palm with outstretched fingers or a truncated version of it - outstretched thumb and forefinger, like the Latin letter V.

г/г - a marker of the application of action on top of something, being on top, supremacy.

к/к - "located inside - insert", "located near, near, touching". Baby in the womb for the mother, person for the house, money for the wallet, heart for chest, books for library, chick for egg, rabbit for burrow, burrow for ground, soul for man, prince for society, man for clothes, river for the channel - all this к (k). The concept к (k) also appears if something or someone is near something or approaching something or someone, touches or immersed in something partially. In my opinion, a good example is the Egyptian hieroglyph V31 according to Gardiner called the "basket with a handle" (Fig. 2) and having transliteration **к**. Whatever the product in question, but it looks at the described image of se **к/к**. Where a small part, the so-called "pen" touching the "basket" gets the described concept of "insert".

m/м - shell, cover, distance between two points is formed by two objects (closed lips, the shape of the river bed in cross section, two logs, etc.). Probably symmetrical, for example, as a human body. In Egyptian writing, it is indicated by a hieroglyph depicting an owl (hieroglyph G17 according to Gardiner). The image behind the se **м** (m) is reflected by a broken line above the bird's eyes. Figure 3.

r/p - hole, inlet, shell, environment, cavity - in the broad sense of the value. The gesture conveying this se, in my opinion, was a palm with fingers collected in a ring. The Egyptian hieroglyph denoting the phoneme "r" (p) was depicted in the form of a stylized mouth (hieroglyph D21 according to Gardiner).

t/т - leg, arm, backbone, base, hard rock (stone).

e/ç is a source of something. It was depicted by a gesture with three fingers, thumb, index and middle.

l/л' - oily (physiological fluids), finely dispersed. The image, in my opinion, is formed on the basis of tactile sensations. The gesture could be showing saliva.

n'/н' is the shell, the volume, of something consisting of many small components of the same type. It was also used when it was necessary to indicate multiplicity.

t'/т' is the surface of something having a relatively thin layer (saturated with moisture?). The skin of an animal/bird, the skin of the fetus, as in the word т'үпĕ - with Chuv. to Russian - sky (according to the idea of the ancient Chuvash, the sky has several layers).

The etymologies of se, as well as the etymologies of words, can be clarified, new characteristics added, and imagery expanded.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев, С. Шаблон как прием в речевом кодировании- наследник жеста. *Philology*. – 2024.
2. Зайцев, С. МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ИХ МОДУЛЕЙ) ЗРИТЕЛЬНЫМ И ОБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ. (Демонстрация проекта.) Этимология одинарного речевого элемента [л']. *Philology*. – 2024.
3. Зайцев, С. Некоторые стороны праязыковой теории глазами дилетанта. *Philology*. – 2023.
4. Электронный чувашский словарь: Электронлă сĕмахсар.- Чебоксары. – URL: <https://samah.su/> (дата обращения: 02.11.2025). – текст электронный.
5. Arbib, M. *How the Brain Got Language: The Mirror System Hypothesis*. Oxford University Press. – 2012.
6. Corballis, M. *The Recursive Mind: The Origins of Human Language, Thought, and Civilization*. Princeton University Press. – 2010.
7. Dickens, T.E. (University of Nottingham Trent, United Kingdom). Commentary on M. Corballis's *From Hand to Mouth*, addressing issues of language origin and cognitive semiotics.

Материал поступил в редакцию 12.11.25

**ОТ МИКРОЖЕСТА К ВОКАЛУ:
МЕХАНИЗМ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОДА (английская версия)**

С.Г. Зайцев, независимый исследователь
(ж.д. ст. Шентала), Россия
E-mail: zsg13061964@gmail.com

***Аннотация.** Предлагается модель перехода от жестовой коммуникации к вокальной на основе понятия микрожеста. **Микрожест** – перенесенное в артикуляцию речевого аппарата движение, унаследовавшее семантическую структуру первичного жеста. В статье рассматривается механизм объединения двух семиотических систем и перенос смысловой структуры из жеста в речь. На примерах речевых элементов (далее по тексту рэ, Зайцев 2023) [ə] (чув. а, лат. о), [k], [t], [l'] показан механизм переноса смысловой структуры «классического» жеста в микрожест, артикуляционно воспроизводимый современным вокальным трактом. Приводятся основания полагать, что письменные знаки некоторых алфавитов унаследовали зрительные образы, восходящие к древним жестовым моделям.*

***Ключевые слова:** праязык, жест, вокализация, микрожест, двойная семиотика, речевые элементы, чувашский язык.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 6 (60), ноябрь / 2025

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ИП Ростова И.А.

Адрес типографии:

Россия, 400121, г. Волгоград, ул. Академика Павлова, 12

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

Редакционная коллегия:

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Бобокалонов Рамазон Раджабович, доктор филологических наук

Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук

Зиямухамедов Жасур Ташпулатович, доктор филологических наук

Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

Редакционный совет:

Новоградец Марина Яйич, доктор филологических наук

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, кандидат филологических наук

Саидов Якуб Сиддинович, доктор филологических наук

Артамонова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 24.11.2025 г. Дата выхода в свет: 10.12.2025 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 85. Свободная цена. Тираж 100.